

УДК 165.62+165.731

В.В. Демиров**КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЙ Э. ГУССЕРЛЯ
И Г. ФРЕГЕ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЪЕКТИВНОСТИ СМЫСЛА**

Данная статья посвящена экспликации проблемы объективности смысла и онтологической референции, указывающей на онтологическую плоскость пересечения тематик сознания и языка в контексте современных феноменолого-лингвистических дискуссий. В статье осуществляется рассмотрение онтологических основ тематического единства проблем сознания и языка сквозь призму концептуально-теоретических моделей, специфицирующих интенциональный анализ сознания у Гуссерля и семантический анализ языка у Фреге. В этой связи, выявляется необходимость экспликации соотношения феноменологической и лингвистической редукций. Проведение редукции в языке направлено на фиксацию отличия между схватыванием мысли (как нейтральным принятием во внимание некоторого мыслимого положения дел без решения вопроса об истинности последнего) и суждением как признанием истинности мысли. Для сознания же проведение редукции направлено на фиксацию отличия между чистым представлением смысловой данности предмета от полагания этого предмета в качестве существующего. Автор статьи приходит к выводу, что Смысл [Sinn] в контексте указанных проблем и подходов, нужно определять как нейтральную (по отношению к истинностному значению и эмпирическому существованию его референта), объективно-универсальную медиативную систему, устанавливающую определенную форму связи между сознанием и предметом, знаком и значением.

Введение

Актуальность данного исследования имеет отношение к философским аспектам исследований, которые проводятся в связи с моделированием сознания средствами ЭВМ, выражением логической семантики естественных языков, созданию систем смысловой, автоматизированной обработки информации, а так же разработке экспертных систем с элементами искусственного интеллекта. В рамках этих исследовательских стратегий, проблема смысла является краеугольной. Более того, сегодня все более четко осознается невозможность введения новых «смысловых единиц» кодирования информации базируясь исключительно на логико-математических исследованиях. От последних всегда ускользает дологическая, осуществляемая в форме темпоральных синтезов структура порождения смысла. И это не случайно, т.к. и логика и математика оперируют вневременными идеализированными сущностями, которые согласно идее Тьюринга являются вычислимыми алгоритмическим устройством только посредством операции перехода между дискретными состояниями «вкл./выкл.». При этом, очевидно, что понимание реальных механизмов мышления должно происходить сквозь призму идей длительности, непрерывности и овременности процессов смыслопорождения. Именно в таком ракурсе их рассматривал Гуссерль. В аналоговых вычислительных устройствах (их пытаются предложить в альтернативу цифровым) вычисления осуществляются с помощью непрерывного изменения того или иного физического параметра (таких как время, масса или электрический потенциал), а не смены дискретных состояний. Но на данный момент эти устройства еще не снабжены достаточным комплексом идей, которые позволили бы им приблизиться по точности к цифровым. Поскольку любая программа является принципиально формальной синтаксической системой и осуществляет манипулирование символами с помощью рекурсивно применяемых правил, без какой бы то ни было отсылки к смыслу этих символов, то, очевидно, что главным вектором поисков

Научный руководитель – Д.И. Широканов, доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси

должно быть обнаружение специфических механизмов, при помощи которых наш разум оказывается способным манипулировать именно смысловым содержанием. Это окажется возможным посредством развития следующих идей: 1) естественный разум является в своей основе принципиально недискретным образованием; 2) идеи разума имеют содержание не потому что абстрагируются от конкретных чувственных данных, в которых зафиксировано реальное существование чего-либо, а потому что разум в своей основе обладает специфическими механизмами «восприятия общего» или «схватывания смысла» (это акт идеации согласно Гуссерлю или категориальное созерцание, которое отрицал Кант), которые делают возможным восприятие конкретно данного. Последнее, будучи значением некоторого представления, порождается структурой смыслодающего акта (акта чистого представления согласно Гуссерлю); 3) смысл который не имеет значения, т.е. соответствия реальному положению дел, является не в меньшей степени объективным чем тот, который соответствует, на том основании, что наше сознание способно самостоятельно, без внешних формулировок образовывать на его основе новые смыслы. Этот «вымышленный» смысл можно донести до другого сознания, вызывая у него соответствующие представления. Это говорит о том, что не обладая соответствием реальным компонентам действительности, смысл имеет при этом объективное содержание; 4) в рамках компьютерной программы подчиняющейся логическому алгоритму такого содержания нет, т.к. она не способна на его основе создавать новые смыслы. Такая способность является в первую очередь критерием понимания. Научить программу языку нельзя, постольку поскольку не существует никакого способа, с помощью которого мы могли бы для нее определить смысл хотя бы одного символа в строгой связи с совокупностью той системы правил в которой он представлен; 5) для преодоления указанной преграды следует понимать смысл не только как содержание или значение некоторых знаков, но и способ, форму связи знака с его значением, а значения с конституирующим его актом (схватывание мысли [Fassen], то есть принятие во внимание некоторого мыслимого обстояния дел без решения вопроса об истинности последнего, – есть, согласно Фреге, обнаружение указанной формы связи); 6) исследование семантики естественных языков, а так же структуры смыслопорождающей деятельности сознания, может внести существенный вклад в подобную концепцию смысла; 7) работа недискретных вычислительных устройств, основанных на подобных «смысловых» языках представления информации, может в значительной степени приблизить решение проблемы искусственного интеллекта; 8) специфическое понимание смысла как объективной, нейтральной (по отношению к существованию его содержания или истинности его значения) формы связи, несводимой к психическим особенностям индивидов в которых она реализуется, характерно для таких философов как Эдмунд Гуссерль и Готлоб Фреге. Исследование их концепций является необходимым условием раскрытия указанных выше проблем. Их решение имеет актуальную научную значимость. Данная статья восполняет так же нереализованный пробел диалога феноменологии и аналитической философии в аспекте проблемы объективности смысла и его онтологии.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить онтологический статус смысла сквозь призму компаративного анализа учений Гуссерля и Фреге, первичный замысел которых был устремлен на выявление фундаментального уровня задающего специфику математических объектов и отношений. Исходя из того, что для Гуссерля этот уровень заключался в сфере прелингвистических феноменологических очевидностей сознания, а для Фреге в сфере логических законов языка, в статье ставятся задачи: эксплицировать смысл, с одной стороны, как объективно-универсальную форму связи этих очевидностей и логических структур, а с другой стороны – как элемент, конституирующий предметно-смысловой референт указанной связи (т.е. значение).

Рассмотрение проблемы объективности смысла и онтологической референции тесным образом связано с преодолением отождествления «логики языка» и «логики смысла», исходя из которого отодвигалась важная проблема математики, – проблема соотношения формы вывода и его содержания. «Правило вывода», артикулированное в знаково-символических конструкциях, бесспорно, становится предельно строгим, воспроизводимым автоматически, повторяемым, освобождается от привязанности к индивидуальным способностям конкретного человека. Но, при этом очевидно, что жестко «означенное» правило, реализуемое алгоритмическим вычислителем, машиной, оказывается неспособным выдать исходную идею вывода (смысл-содержание), делает совершенно непроницаемым действительное и всегда совершающееся предметное движение мысли.

Таким образом, при формулировке такого рода предельно точных выражений, мы теряем два необходимых элемента участвующих в формировании так называемой «логики смысла»: исходное смысловое содержание вывода (идею) и природу самой процессуальности, движения мысли. Т.е. осуществляя предметное рассмотрение сознания и языка, сквозь призму указанных проблем, нас будет интересовать сущность и отношение таких понятий как «смысл», «тип мысли» и «выражение». Назовем их источник, движение и результат познавательного процесса. Второй компонент относится к сфере психологии, третий к сфере логики, а первый является их онтолого-феноменологическим фундаментом. «Смысл», в этом случае, мы предварительно определяем как источник и связь «выражений» и «мыслей». Для выявления целостности интересующего нас когнитивно-познавательного процесса, необходим детальный анализ каждого из этих компонентов и их взаимосвязи. Продвижение по пути экспликации логической структуры готовых выражений языка, по-сути, приведет только к получению чистых тавтологических высказываний. В качестве таковых выступают аксиоматические основания логики и математики. Поэтому, говоря о знаковом символизме, отметим, что попытка объяснить его исключительно имманентными потребностями математического вывода, математического действия приводит к искажению и самой сути доказательства, и самого значения и смысла знакового символизма. Этот смысл, в сущности, есть скрытая за знаковым символизмом предметность. Т.к. знак – еще не предметная область, но скорее «намеки» на его глубинное предметное содержание, возбудитель, провокатор определенных творческих процессов, укол, вызывающий течение интуитивных прозрений, это – вершина айсберга, выступающая над поверхностью собственно мыслительной стихии.

«Логика смысла» и проблема объективности

Для раскрытия этой стихии, основополагающее значение имеет «логика смысла», направленная на феноменологическое выявление чистой предметной самоданности и актов конституирования, сквозь призму которых адекватно раскрывается сущность указанного движения. И Гуссерль и Фреге, подходы которых для нас в данном случае имеют решающее значение, обосновывают необходимую взаимосвязь «логики смысла» с проблемой обоснования объективности смысла.

Эта проблема формулируется как проблема возможности выражений, которые имеют смысл (Sinn в терминологии Фреге), но не имеют «значения» (Bedeutung англ. reference), или предметного референта. Таким образом, смысл объективен постольку, поскольку он существует независимо от того, соответствует ли определенным выражениям какие-то «действительные предметы», а так же постольку, поскольку он вовсе не сводится к конкретным представлениям, ментальной специфике и психологическим особенностям людей понимающих и полагающих этот смысл. В частности, Гуссерль объяснял это тем, что смысл, как определенная – интенциональная – характеристика психологических переживаний, не сво-

дится к самим этим переживаниям. Интенциональность, реализуемая сквозь призму единой структуры акта полагания (ноэзиса) и предметного смысла (ноэмы), является тем моментом, который формирует смысловую структуру сознания, несводимую к психическим или физическим связям и независимую от «действительных предметов», которые понимаются как референты предметного смысла. Феноменологическая традиция предписывает понимать интенциональность как характеристику самого сознания исключительно в его связи с чистой предметной самоданностью, а не с тем, что тот или иной предмет может значить для того или иного содержания сознания (считается ли он, проще говоря, его внешней причиной или нет). Интенциональный предмет представлен в сознании интенциональным содержанием (в принципе, множеством интенциональных содержаний, но актуально – одним), которое, в свою очередь, указывает на него так, что мы можем «иметь в виду» – т.е. представлять и/или обозначать – именно этот предмет. Интенциональный акт, в свою очередь, представляет собой способ (отвечает на вопрос «как?») предметной данности, которым сознание актуально «имеет» свой предмет.

Гуссерль начинает первое исследование второго тома «Логических исследований» с различения интенции как коммуникативного намерения и «интенции» в специфическом смысле – интенции придания значения или, можно сказать, актуализации значения [Bedeutungsintenzion], которая собственно и делает некий предмет данным, связывая с ним языковое выражение как то, что этот предмет означает. Интенция придания значения соответствует, т.о., чистому акту предметного представления для осмысленных выражений. Этот чистый акт актуализации значения есть, в сущности, априорное условие чистой предметности, определяющей возможности того, как разные значения разных выражений могут отсылать (выполнять референцию) к одному и тому же предмету.

Таким образом, говорить о референции мы можем не постольку, поскольку имеем некоторый «действительный предмет» по отношению к определенному ментальному содержанию, а поскольку только чистый смыслодающий акт (интенция) обуславливает конституирует наличие предмета для сознания. Природа этой конститутивности, по Гуссерлю заключена в том, что прежде восприятия единичного предмета пассивно-рецептивными компонентами сознания, выраженными в форме ощущений, должно быть возможно специфическое интуитивно-эйдетическое восприятие общего (как конкретной целостности единичных элементов), которое есть представление того, что в ощущениях репрезентирующих внешний предмет, актуально не представляется. Иначе говоря, интенциональное сознание активно уже на уровне восприятия (действительного или вспоминаемого и воображаемого). Его активность в форме смыслопорождающей динамики эйдетической очевидности есть источник референции предмета и его ментального содержания.

Разрабатывая далее в «Идеях...» концепцию перцептивных (в узком смысле адекватного восприятия) данных в их отличии от перцептивного содержания полного интенционального переживания, Гуссерль применяет для обозначения первых термин ноэма или, иначе, материальные данные. «Они представляют собой материальные конституэнты опыта – несамостоятельные части интенциональных переживаний, тем не менее, оказывающие влияние (что выражается в обозначении их термином конституэнты) на представленную в конкретном переживании предметность» [5, с. 142]. Собственно интенциональную составляющую опыта, выполняющую по отношению к материалу функцию его оформления в единство смысла (или значения), представляющего определенный предмет, Гуссерль обозначил термином ноэзис. Однако, интенциональное «оформление» материальных конституэнт опыта не есть некое «моментальное» событие: скорее, это процесс, имеющий свою длительность. Гуссерль описывает темпоральную структуру предметного конституирования в восьмой главе третьей части первой книги «Идей...», а также, в лекциях по феноменологии внутреннего сознания-времени. «Пассивный синтез, происходящий в его истоках, очерчивает трансцендентальный горизонт как предел смыслообразования» [3, с. 51]. Последний име-

ет темпоральный, прелингвистический и допредикативный характер и оказывается для «логики языка» недоступным, т.к. логика и математика занимаются анализом вневременных сущностей.

Таким образом, Гуссерль эксплицируя нозтико-нозматическое единство смыслополагающей деятельности сознания указывает на то, что смысл есть динамическая форма установления связи интенционального акта и интендированного содержания, форма, сохраняющая с этим актом единство, являющаяся его проистечением. Выражение же, как логическая форма репрезентации смысла, утрачивает эту связь и указывает только на означаемое как некоторый предмет. Это отчетливо видно в некотором терминологическом расхождении в концепциях Гуссерля и Фреге. Гуссерль употребляет термины «смысл» [Sinn] и «значение» [Bedeutung] выражения практически как синонимы, отличая их от «предмета» выражения; в отличие от Г. Фреге, у которого термин «значение» синонимичен термину «предмет». Именно ввиду утраты указанной связи Витгенштейн вынужден констатировать невыразимость логической формы, т.к. последняя способна теперь только указывать на нечто, а не показывать его в его собственной сути.

При этом, указанное расхождение компенсируется тем, что в рамках обоих подходов, мы сталкиваемся с определенной трехчленной эпистемологической конструкцией. В случае Гуссерля – это интенциональный акт – идеальное мыслительное содержание (сущность [Wesen], смысл [Sinn]) – интендированный предмет; а в случае Фреге – это определенный знаковый комплекс – смысл [Sinn] знаков – значение [Bedeutung] знаков. Оба исследователя концентрируют внимание на тех медиальных элементах в своих эпистемологических конструкциях, которые фиксируют мир в качестве имманентной данности (для Гуссерля – в сознании, для Фреге – в языке).

Тема исследования в обоих случаях – медиальный элемент, смысл. Эти элементы обнаруживают явную схожесть. Основываясь на общем неприятии психологизма в логике и математике, оба автора приписывают данному элементу статус идеального бытия и оба утверждают возможность непосредственного схватывания этого элемента в особом интеллектуальном опыте. Такие тезисы отчетливо противостоят психологизму, в котором утверждалось, что любое универсальное содержание является продуктом психической активности субъекта при обработке непосредственно данных чувственных содержаний. Далее, на основе идеального статуса смысла оба автора проводят четкое различие между схватыванием самого смысла и представлением, сопутствующим этому схватыванию, всевозможных ментальных образов, имеющих психологически субъективный, сиюминутный характер. Схватывание смысла, о котором идет речь – это не установление истинностного значения для наших представлений и указание на то, что в этих представлениях является соответствующим реальному положению дел.

Проблема онтологической референции сквозь призму феноменологической и лингвистической редукции

Рассмотренный ход мышления задавал определенные основания для понимания сознания. Именно от подобных оснований, как мне представляется, пытался отказаться Гуссерль. Различив имманентные объекты «первого и второго порядков», он дал основание рассматривать акт означивания как акт именно второго порядка, то есть акт «восприятия восприятия». В акте обозначения не полагается никакого предмета, в отношении которого сознание могло бы выступить как полагающее. Преобразование в сигнификацию создает новый интенциональный предмет, феномен, а не внешне артикулированное явление. Вообще говоря, смысл не есть выражение или отражение того, что нам дается в явлениях. Т.е. смысл как универсальная структура «антиципирует» чувственное восприятие или, иначе говоря, смысл не наклеивается на уже данные в ощущениях предметы как ярлык, но, напротив, он впервые формирует вещи, структурирует мир. Как для Гуссерля смысл усматривается с очевидно-

стью вне зависимости от того что он репрезентирует: реально существующий предмет или галлюцинацию, так и для Фреге сам смысл знакового комплекса не может быть описан как истинный или ложный, он также принимается во внимание как нейтральная данность. Один из американских последователей феноменологии Р. Соломон так пишет по этому поводу: «...Это последнее обстоятельство, т.е. «подавление» суждений (об истинности и ложности – прим. автора) в пользу нейтральных мыслей (речь идет о Фреге – прим. автора) является обозначением знаменитого Гуссерлева «эпохе» или «заклочения в скобки вопросов о существовании»». Таким образом, по отношению к указанному «подавлению» суждений (об истинности и ложности – прим. автора), можно по аналогии с феноменологической редукцией говорить о лингвистической редукции. Фактически задачей обеих редукций является артикуляция смысла как способа тематизации и принятия во внимание предмета каким-либо особым способом. Таким образом, сходство анализируемых традиций по отношению к пониманию смысла как универсально-опосредующего и индифферентного способа тематизации рассматриваемого предмета, уменьшается в следующих немаловажных пунктах. Феноменология наделяет смысл прелингвистической характеристикой, то есть утверждает свои «Исследования» с языка, при этом подчеркивая, что выявление идеального и принятие во внимание смыслового образования возможно вне языкового опыта. Язык вступает в права носителя смысла на уровне межсубъектной коммуникации, в сугубо же субъективном опыте внимание к нозтико-нозматическим переживаниям происходит вне языка: «В монологе слова не могут исполнять функцию, указывающую на существование ментальных актов, такая индикация здесь совершенно бесполезна. Эти акты сами по себе переживаемы нами в каждый данный момент» [5, с. 78]. И хотя Гуссерль и начинает свои исследования со значения языкового выражения оно ему необходимо как «трамплин», с которого он стартует в сферу внелингвистического описания интенциональных актов и их содержаний.

Аналитическая философия, напротив, настаивает на том, что любое смысловое образование имеет имплицитную лингвистическую характеристику. Принятие во внимание какого-либо положения дел возможно только посредством обращения к соответствующему пропозициональному содержанию, выраженному определенной языковой сентенцией. «Языковой предел – утверждает Витгенштейн – полагается невозможностью описать факт, который соответствует предложению, без повторения этого предложения» [2, с. 12]. Соответственно в рамках развиваемого нами подхода для феноменолога не лишним будет обратить более пристальное внимание на лингвистическую «окраску» конституируемых феноменов. Если языку будет уделено соответствующее аналитическим взглядам внимание, то главными темами обсуждения станут, например, не вопросы о том, как осуществить феноменологическую редукцию, а следующие вопросы: как эта главная методическая операция феноменологии может быть выражена в языке? Каковы те формальные структуры языка, которые позволяют (или, напротив, не позволяют) произвести лингвистическую манифестацию редукции?

Достаточно определенным образом проблема онтологической референции и объективности смысла ставится Гуссерлем во втором томе «Логических исследований», где он выстраивает иерархию качественных форм интенциональных актов. основополагающей формой любого интенционального акта признается та, которая имеет качественную характеристику чистого представления. На этом уровне интендирования происходит схватывание чистого нозматического содержания (или «материи» интенциональной сущности – как высказывался Гуссерль в «Логических исследованиях»). Какое-либо обстояние дел просто принимается во внимание и обдумывается. Это уровень непосредственного усмотрения феномена, данного в эйдетической интуиции. Вплотную к этой структуре, хотя все же как надстраивающаяся над ней, прилегают другая качественная форма, которую Гуссерль называет позиционным актом [setzende Akte]: «...Мы можем установить позиционные акты как те, что основаны на других актах, не как чистые представления, но как акты, основанные на пред-

ставлениях; новый позиционный характер бытия тогда, по-видимому, является дополнительным к чистому представлению» [5, с. 61]. Предназначение позиционного акта сводится к тому, чтобы решать вопрос о бытийной значимости того обстоятельства дел, которое мыслится в фундирующем акте чистого представления. Решить вопрос о бытийной значимости – это значит либо придать мыслимому обстоянию дел статус автономного существования, либо отказать ему в этом: «Среди именуемых актов мы различаем позиционные и непозиционные. Первые ... интуитивным способом отсылают к предмету как к существующему. Вторые оставляют вопрос о существовании своих предметов нерешенным» [5, с. 67].

Подобные же дистинкции обнаруживаются и у Фреге. Он также различает схватывание мысли [Fassen], то есть принятие во внимание некоторого мыслимого обстоятельства дел без решения вопроса об истинности последнего, и суждение [Urteil] как признание истинности мысли: «Итак, мы будем различать: 1) схватывание мысли – мышление; 2) признание истинности мысли – суждение; 3) демонстрация этого суждения – утверждение». При этом Фреге упоминает, что он использует термин «суждение» не в привычном логическом смысле, то есть как предикацию, а именно как утверждение истинности, что как раз и соответствует гуссерлевскому позиционному акту. Предназначение обеих этих структур заключается в том, чтобы производить экзистенциальное полагание мыслимого обстоятельства дел.

Очевидно, что редукция как центральная методическая операция феноменологии должна принимать во внимание как раз отношение между индифферентным чистым представлением и позиционным актом (или между индифферентной мыслью и признанием истинности этой мысли). А именно: редукция «заключает в скобки» позиционный акт. К сожалению, гуссерлевский образ заключения в скобки так и остался не достаточно поясненным. Сам Гуссерль говорит об этой операции, то имея в виду «торможение» (приостановку) позиционных актов, то рефлексии над ними. Иногда двусмысленность выглядит почти комично, так как проступает прямо в одном пассаже. Это можно увидеть в «Идеях...»: «Переходя же к феноменологической установке, мы с принципиальной всеобщностью пресекаем совершение любых подобных когнитивных полаганий [речь идет как раз о бытийных полаганиях, т.е. о позиционных актах], а это значит: «мы заключаем в скобки» прежде произведенные, что же касается дальнейших исследований, то мы не соучаствуем в подобных полаганиях; вместо того, чтобы жить в них, совершать их, мы совершаем направленные на них акты рефлексии» [5, с. 187]. Если отказаться от полагания этих актов, как же можно совершать над ними акты рефлексии? Та же двусмысленность проступает и в «Картезианских размышлениях»: «Я, философски размышляя, не придаю более значимости естественной уверенности в бытии мира, свойственной опыту, не осуществляю полагания этого бытия, между тем, как оно все еще присутствует среди прочего и схватывается внимательным взглядом наивное, латентное совершение этих актов, которое, действительно, характерно для естественной установки» [10, с. 109]. Редукция не препятствует бытийному полаганию, она лишь делает его явным, признавая тезис о бытии мира только в качестве результата активности сознания, продуцирующего позиционные акты. На лингвистическом уровне обсуждаемая методическая операция будет выглядеть как «заключение в скобки» суждения об истинности или ложности той мысли, которая выражена в предложении языка, т.е. как рефлексия, воплощенная в лингвистической фиксации акта, утверждающего логическую валентность пропозиции.

Анализ Фреге показал, что такая лингвистическая фиксация в естественном языке, который как раз и использует Гуссерль для экспликации своих исследований, невозможна. Осуществление суждения-утверждения, то есть признание истинности мысли, имеет в языке всецело латентный характер. Невозможно обнаружить специального знака, который характеризовал бы наличие такого суждения, это суждение-утверждение осуществляется самой формой утвердительного предложения: «Мне представляется, что до сих пор мысль и суждение отчетливо не различались. Возможно, язык сам потворствует этому. Действительно, в

утвердительном предложении нет специального компонента, соответствующего утверждению» [7, с. 41]. Утвердительное предложение естественного языка выражает всегда одновременно и неразличенно саму мысль и экзистенциальное полагание мыслимого: «Признание истинности мысли мы выражаем в форме утвердительного предложения. При этом нам не требуется слово «истинный». И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения» [7, с. 84].

Понятно, что Гуссерль не мог серьезно принимать в расчет подобные затруднения, ибо язык сам подлежал редукции, он не имел трансцендентальных полномочий. Если же языку, как мы условились в начале данного анализа, будет приписан первичный конститутивный статус, то данное открытие Фреге представляет собой серьезное препятствие на пути осуществления обсуждаемой методической процедуры. Гуссерль не заметил, что произвести рефлексию над актами бытийного полагания не позволяют выразительные возможности того естественного языка, который он использовал в феноменологии. Произнося «На улице идет дождь», феноменолог оказывается неспособным четко различить и зафиксировать в рефлексии мысль, выражаемую этим предложением и суждение об истинности этой мысли. Это значит, что язык неминуемо затягивает трансцендентального философа в трясину естественной установки, не позволяя нащупать никакой надежной опоры, чтобы удержаться в сфере чистой мысли. В этом смысле, язык всегда опережает рефлексивный взор на один шаг, расставляя на его пути подобные «референциальные ловушки». Но философы-аналитики стремящиеся к разрешению этих ловушек осуществляют изучение смыслов языковых структур без внимания к субъективным процессам познания, переживанию смыслов в познающей субъективности. Это, в сущности, приводит к взаимодополнительности указанных подходов по отношению к проблеме смысла и онтологической референции.

Заключение

Таким образом, отметим, что как бы прочно язык не «цементировал» границы данности смысла, не обеспечивал его ясность и доступность, без сознания, которое «осуществляет себя» в этом смысле, дескрипция опыта выглядит явно не полной. Поэтому Гуссерль переходит от слов языка не к смыслам, как это сделали аналитики, а именно к смыслополагающим, интенциональным актам, без которых язык мертв.

Именно взаимодополнительность подходов обоих авторов достаточно полно раскрывает проблему объективности смысла и онтологического статуса его объектов. Известно так же, что логическая система Фреге, в которой формулы представляются в виде деревьев, явилась прообразом семантических сетей, которые успешно используются при программировании систем с элементами ИИ, а учение Гуссерля представляло смысл как независимый от психологических компонентов, хотя и сопровождаемый ими. Основываясь на общем неприятии психологизма в логике и математике, оба автора приписывают смыслу статус идеального бытия и оба утверждают возможность непосредственного схватывания этого элемента в особом интеллектуальном опыте (акт идеации у Гуссерля). Такие тезисы отчетливо противостоят психологизму, в котором утверждалось, что любое универсальное содержание является продуктом психической активности субъекта при обработке непосредственно данных чувственных содержаний. Более того, становится очевидно, что при решении достаточно весомой проблемы позитивно-научных исследований сознания – проблемы «mind-body», все больше и больше обращает на себя внимание со стороны когнитивной науки феноменологический подход. Исследования подобной направленности чрезвычайно актуальны при обсуждении понятия первичной (original) и производной (derivative) интенциональностей. Первая означает непосредственно данный в субъективности «внутренний» предмет в корреляции с самим актом познания, вторая – «внешним образом» (т.е. за счет окружающей социальной среды) приписанный субъекту предмет познания. Вопрос о том, обладает ли искусственный интеллект первичной интенциональностью или довольствуется лишь ее производными

формами, навязанными ему из вне человеческим сообществом, является достаточно важным и должен решаться сквозь призму рассмотрения проблемы объективности смысла и его взаимосвязи с недискретной, темпоральной природой смыслополагающих актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов, Е. Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля / Е. Борисов // Логос. – 1999. – № 1 (11).
2. Витгенштейн, Л. Несколько заметок о логической форме / Л. Витгенштейн // Логос. – 1995. – № 6.
3. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. – М. : «Гнозис», 1994.
4. Гуссерль, Э. Амстердамские доклады / Э. Гуссерль // Логос. – № 3. – 1992.
5. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М. : ДИК. – 1999.
6. Фреге, Г. Смысл и значение / Г. Фреге // Избранные работы. – М. : ДИК, 1997.
7. Фреге, Г. Мысль: логическое исследование / Г. Фреге // Логические исследования. – Томск : Водолей, 1997.
8. Фреге, Г. О научной оправданности понятийного письма / Г. Фреге // Метафизические исследования. – 1999. – № 12.
9. Фреге, Г. Основоположения арифметики / Г. Фреге. – Томск, 2002.
10. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск : «Сагуна», 1994.
11. Рассел, Б. Философия логического атомизма / Б. Рассел. – Томск, 1999.
12. Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики / А. Тарский // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М. , 1998.

Demirov V.V. Comparative Analysis of Husserl and Frege Doctrines in Aspect of the Problem of Objectivity of Sense

This article is devoted to the explication of a problem of objectivity of sense and ontological reference, specifying in an ontological plane of crossing of subjects of consciousness and language in a context of phenomenologo-linguistic discussions. In the article consider ontological bases of thematic unity of the problems of consciousness and language is considered through a prism of the conceptually-theoretical models specifying intentional analysis of consciousness at Husserl and the semantic analysis of language at Frege is carried out. In this theme, the necessity of an explication of a parity of phenomenological and linguistic reductions comes to light. Reduction carrying out in language is directed on difference fixing between catch of thought (as neutral acceptance to attention of some conceivable state of affairs without the decision of a question on the validity of the last) and judgment as the recognition of the validity of thought. For consciousness reduction carrying out is directed on difference fixing between pure representation of a semantic reality of a subject from consideration this subject as the existing. The author of the article comes to conclusion that Sense [Sinn] in the context of the specified problems and approaches is necessary to define as neutral (in relation to validity value and empirical existence of its reviewer), objectively-universal medium-system establishing the certain form of relation between consciousness and subject, sign and value.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.10.2010